

Табакчи Тимур Арсенович

адвокат, партнер

Адвокатское бюро «А2К Лигал»

г. Казань, Республика Татарстан

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СРОКА ДАВНОСТИ (Ч. 2.2 СТ. 27 УПК РФ): АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА

***Аннотация:** в статье исследуется механизм прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности, введенный ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ на основании Постановления Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 №33-П. Анализируются конституционно-правовые основания нового института, его законодательное воплощение, критические позиции правовой доктрины, а также проблемы правоприменения, выявленные судебной практикой, включая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Сформулированы авторские выводы de lege ferenda.*

***Ключевые слова:** прекращение уголовного преследования, срок давности уголовного преследования, ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, Конституционный Суд РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ, права потерпевшего, презумпция невиновности.*

Срок давности уголовного преследования является одним из фундаментальных инструментов уголовной политики, призванный обеспечить баланс между карательной функцией государства и правовой определенностью для лиц, в отношении которых осуществляется преследование. Введение ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ обозначило новый этап в регулировании этого института: на законодательном уровне был закреплен фактически предельный срок предварительного расследования после истечения срока давности. Данная норма вызвала широкую дискуссию как в научном сообществе, так и в правоприменительной практике.

Нормативным импульсом для появления ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ послужило Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 №33-П по жалобе В.А. Рудникова. Заявитель оспаривал конституционность положений УПК РФ, допускавших ситуацию, при которой уголовное преследование продолжалось неограниченно долго даже после фактического истечения сроков давности, предусмотренных ст. 78 УК РФ.

Конституционный Суд констатировал, что существующее правовое регулирование позволяет осуществлять уголовное преследование за пределами срока давности, не обеспечивая лицу предсказуемости его процессуального положения в случае возражений с его стороны о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Это, по мнению суда, нарушает ряд конституционных принципов: право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), принцип правовой определенности и недопустимость бессрочного преследования.

КС РФ признал неконституционным отсутствие в законе механизма, позволяющего прекратить уголовное преследование при истечении сроков давности, и обязал федерального законодателя устранить выявленный пробел.

Во исполнение предписания КС РФ был принят Федеральный закон от 13.06.2023 №220-ФЗ, которым УПК РФ дополнен ч. 2.2 ст. 27. Согласно данной норме, уголовное преследование подлежит прекращению, если со дня истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности прошло: два месяца – для преступлений небольшой тяжести; три месяца – преступлений средней тяжести; двенадцать месяцев – тяжких и особо тяжких преступлений.

Механизм действия нормы предполагает следующее: если в ходе расследования будет установлено, что срок давности истек, а со дня его истечения прошли соответственно 2, 3 или 12 месяцев, уголовное преследование прекращается вне зависимости от позиции обвиняемого. Особенность данного основания состоит в его условно-реабилитирующем характере: прекращение не констатирует отсутствие самого основания для уголовного преследования, а закрепляет исчерпание уголовно-процессуальных средств для доказывания виновности конкретного лица [1].

Введение ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ вызвало разнополярные оценки в научной литературе. Можно выделить три основных критических направления.

Первое направление представлено позицией А.Н. Зенкина, полагающего, что новая норма неконституционна, поскольку нарушает права потерпевшего. По его мнению, прекращение уголовного преследования без оправдательного приговора создает ситуацию неопределенности: виновность лица официально не установлена и не опровергнута, что лишает потерпевшего возможности добиться справедливости. Кроме того, автор указывает на несоответствие нормы принципу равенства сторон уголовного процесса [3].

Второе направление – системно-доктринальная критика Д.Ю. Яковлева. Автор акцентирует внимание на противоречии ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ принципу презумпции невиновности: прекращение дела по данному основанию фактически «замораживает» вопрос о виновности, не разрешая его. Яковлев также указывает, что «бессрочное правосудие» порождает системное противоречие, при котором государство, с одной стороны, связано сроками давности по материальному праву, а с другой – имеет возможность затягивать процессуальное разрешение вопроса о виновности [8].

Третье направление представлено позицией А.С. Сладкова, указывающего на неопределенность самой формулировки ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. В частности, неясно, каков механизм исчисления начального момента для отчета 2-, 3- и 12-месячных сроков, как соотносится эта норма с иными основаниями прекращения, а также каково правовое положение лица после прекращения преследования по данному основанию [7].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о гражданском иске потерпевшего в случае прекращения уголовного дела по ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. В.Л. Согоян обращает внимание на коллизию: прекращение уголовного преследования не влечет автоматически прекращения гражданского иска, однако следователь, прекращая дело, не выносит решения по существу обвинения. Это порождает неопределенность в вопросе о возможности потерпевшего взыскать ущерб в порядке гражданского судопроизводства [5].

Одной из центральных практических проблем стало исчисление начала сроков, указанных в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Буквальное толкование нормы предполагает, что отсчет 2-, 3- или 12-месячного периода начинается с момента истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, предусмотренного ст. 78 УК РФ.

М.С. Дулкарнаев последовательно критикует новый институт из-за возможных злоупотреблений со стороны обвиняемого, который вправе использовать метод затягивания процессуальных сроков с целью последующей полной реабилитации [2].

Показательна правовая позиция, выраженная в Определении Верховного Суда РФ от 27.11.2025 №5-УДП25–93-К2. В данном деле ВС РФ занял позицию о том, что срок, предусмотренный ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, исчисляется с момента фактического истечения срока давности уголовного преследования и распространяется на все события до передачи уголовного дела в суд. Таким образом, в предельный срок включаются и действия прокурора по поступившему с обвинительным заключением уголовному делу, а не только срок предварительного расследования.

Правоприменительная практика выявила и злоупотребления со стороны органов предварительного расследования. Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 18.09.2025 №77–2748/2025 рассматривал дело, в котором следователь намеренно завышал временной период совершения преступления с целью недопущения истечения сроков давности. Такой подход позволял формально сохранять возможность уголовного преследования, фактически нивелируя смысл ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Однако суд, установив фактический срок окончания преступления, не признал нарушение следователем ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ и вынес обвинительный приговор с освобождением подсудимого от наказания в связи с истечением срока давности.

Указанные злоупотребления свидетельствуют о системной проблеме: при отсутствии четких правовых механизмов контроля за действиями следователя

норма может превращаться в инструмент затягивания преследования, а не его своевременного прекращения [7].

В.Л. Согоян обращает внимание на проблемы учетно-регистрационного характера, возникающие при применении ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. В частности, при прекращении уголовного дела следователи нередко смешивают несколько оснований в одном постановлении – например, одновременно указывают на истечение срока давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и на ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, что порождает неопределенность в правовом статусе лица и осложняет последующую оценку оснований прекращения преследования [6].

Данная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение: от основания прекращения зависят правовые последствия – в частности, право на реабилитацию, возможность возобновления преследования при отмене постановления, а также перспективы гражданского иска потерпевшего [5].

К.Б. Калиновский анализирует ситуацию частичного истечения сроков давности – когда давность истекла в отношении части эпизодов обвинения, но не всех. По его мнению, в таких случаях следователь вправе применить ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ избирательно, прекратив преследование лишь по тем эпизодам, по которым срок истек, и продолжив расследование в части остальных. Данный подход представляется правильным, поскольку обеспечивает соразмерность применения нормы [4].

Принципиально важную роль в формировании единообразной практики применения ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ сыграли разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 №39. Согласно п. 5 данного Постановления Пленума, нарушение сроков, предусмотренных ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, является основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Разъяснения Пленума ВС РФ, таким образом, выполняют двойную функцию: с одной стороны, они устанавливают процессуальные последствия нарушения сроков ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ органами расследования; с другой – ориентируют суды на активную проверку соблюдения данных сроков при поступлении дела

для рассмотрения по существу. Это существенно повышает эффективность нормы как гарантии против бессрочного преследования.

Проведенный анализ правоприменительного института, предусмотренного ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, по мнению некоторых авторов, норма содержит ряд технических погрешностей, прежде всего в части исчисления начала сроков, что порождает неодинаковое правоприменение. Необходимо законодательно уточнить момент, с которого исчисляются 2-, 3- и 12-месячные сроки [7].

Во-вторых, ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ носит условно-реабилитирующий характер: прекращение преследования по данному основанию не означает признание расследования несостоятельным.

В-третьих, права потерпевшего при применении ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ остаются недостаточно защищенными: вопрос о гражданском иске не решен на уровне закона, что порождает правовую неопределенность [3].

В-четвертых, разъяснения Пленума ВС РФ от 17.12.2024 №39 о возврате дела прокурору при нарушении сроков ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ представляют собой значимый шаг к единообразному применению нормы и созданию механизма процессуального контроля. Суды получили инструмент противодействия злоупотреблениям, допущенным на стадии предварительного расследования.

В-пятых, *de lege ferenda* необходимо: установить единый порядок исчисления сроков в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ; предусмотреть последствия прекращения преследования для гражданского иска потерпевшего; ввести запрет на манипуляции с датой совершения преступления в целях обхода сроков давности.

Список литературы

1. Губко В.А. Прекращение уголовного преследования за пределами срока давности: вопросы практики / В.А. Губко // Уголовный процесс. – 2024. – №11. – С. 48–56. EDN FGIZMA

2. Дулкарнаев М.С. Прекращение уголовного преследования за пределами срока давности: вопросы правоприменения / М.С. Дулкарнаев // Уголовный процесс. – 2025. – №8. – С. 54–61. EDN ETOELR

3. Зенкин А.Н. Неконституционность ч. 2.2 ст. 27 УПК о непричастности к преступлению / А.Н. Зенкин // Законность. – 2024. – №12. – С. 53–56. EDN SCGHRE

4. Калиновский К.Б. Истечение срока давности по части обвинения: что делать следователю / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. 2025. – №3. – С. 8–9. EDN SNROZQ

5. Согоян В.Л. Прекращение уголовного дела за пределами срока давности: три вопроса из практики / В.Л. Согоян // Уголовный процесс. – 2025. – №9. – С. 47–53. EDN YEZYNI

6. Согоян В.Л. Проблемы предъявления гражданского иска к лицу, в отношении которого уголовное преследование прекращено в связи с непричастностью к совершению преступления / В.Л. Согоян // Академическая публицистика. – 2025. – №1–1. – С. 283–289. EDN NZAWTF

7. Сладков А.С. Применение ч. 2.2 ст. 27 УПК: недопустимость произвольного толкования / А.С. Сладков // Законность. – 2026. – №2. – С. 64–66. EDN PHTUIN

8. Яковлев Д.Ю. «Бессрочное правосудие», или «Наказание длительностью»: истечение сроков давности в контексте права на судопроизводство в разумный срок / Д.Ю. Яковлев // Российский судья. – 2026. – №2. – С. 44–49. DOI 10.18572/1812-3791-2026-2-44-49. EDN MHLBUA